

Александр Яковлев

ПОД
НЕБОМ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

18+

Александр Яковлев
Под небом цивилизации

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67925405

SelfPub; 2022

Аннотация

Для счастья нужно немного, но той самой малости всегда не хватает.

Приятного чтения!

Александр Яковлев

Под небом цивилизации

Миа

Часть 1

Взгляд извне

Миа жила на Крикет Лэйн, неподалёку от шумной, никогда не спящей и не замирающей ни на секунду транспортной артерии Нью Джерси Тернпайк. Эта шумная кровь, протекающая по этой магистрали, раздражала её только поначалу. Примерно спустя месяц, она даже полюбила этот шум. Он напоминал ей, что она не одинока, и что рядом проезжают живые люди, несясь домой, на работу, учёбу, неся параллельно с автомобильным потоком поток своих мыслей, а, возможно, и воспоминания о ней...

Квартира находилась в доме, построенном в 30-х годах прошлого века. Многоквартирный оплот семейных очагов.

Дом устал, его покрывала испарина. Стены, истыканные пластиком современных окон, снаружи были частично покрыты мхом, прорастающим между крошащимися красными кирпичами. Перегородки защищали лишь от нежелательных взглядов извне, а вот слышимость... Топот, смех, истерики, свист чайника, скрип кроватей, телевизионный фон и хлопанье дверей. Как тут не покрыться испариной? В ко-

ридорах стоял затхлый запах: запах старой древесины перекрытий, пыльных, никому не нужных, ковровых дорожек и ветхих обоев, из последних сил цепляющихся за неровности стен.

Но, несмотря на потрёпанность дома, Мие повезло. Квартиру, расположенную в мансарде, ей сдавал весёлый пенсионер, прошедший Вьетнам – мистер Уоллес, любивший отпускать шутки в стиле «только работу домой не бери».

Приятным дополнением к такой квартире была возможность выхода на крышу, обрамлённую коваными перилами. Туда в садоводческом магазине она купила небольшой столик и два стула, один из которых использовался крайне редко. Она не любила сидеть там в жаркую погоду, больше по душе ей была сухая прохлада, от которой она защищала себя красным флисовым пледом и бутылкой креплёного вина. И вот в такой обстановке, она чаще всего погружалась в мысли о смене работы и о нём.

Квартира навязывала ей свой интерьерный вкус. Миа не только привыкла, но и полюбила всем сердцем весь антиквариат и винтаж убранства, любезно предоставленного мистером Уоллесом. Она всё чаще становилась завсегдатаем недорогого антикварного магазина, расположенным через один квартал. Входя, она на несколько секунд останавливалась, глубоко втягивая воздух с запахом дерева, защитных масел и мебельного лака, и тогда мурашки бежали по её гладкой коже...

Коже она уделяла особое внимание. Работа диктует условия. Но эта забота её не обременяла, наоборот, она была ей в радость. К тому же косметологом был Кевин – 32-х летний парень с приятной утонченной внешностью и невероятно трепетными и чувственными руками. Миа просто растворялась под воздействием отточенных профессиональных и магических манипуляций этих рук. Все процедуры проходили в полной тишине, они не обменивались ни единым словом. Он отдавался своему делу, а она не смела, да и не хотела, включая только осязание, отвлекать его и себя. Она очень ценила эти минуты нежной заботы. В жизни, на работе такая трепетность – это редкость. Зато, когда процедуры заканчивались, они с удовольствием болтали за чашкой облепихового чая.

Познакомились они, когда принимали участие в поиске пропавшего подростка, оба были в волонтерской группе. У Мии это была уже далеко не первая экспедиция. А вот у Кевина было боевое крещение. Она заметила его одиночество новобранца и завязала разговор. Они быстро подружились, при этом у них обоюдно не было сексуального влечения.

Парк Уильяма Уоррена. Территория среди урбанистического строя с зелёными коридорами, утыканными пиками уличных фонарей, с растрескавшимися рейками узорными скамейками для лентяев, влюблённых и любителей перекусить или подышать на свежем воздухе, озвученная пением местных пернатых и разрезанная водным потоком Спа

Спринг-Крик. Место, где Миа поддерживает свою спортивную форму. Здесь, в лучах утреннего солнца и прохладе, она выбрасывала в воздух клубы разгоряченного дыхания, совершенствуя совершенное. Она не щадила себя. Тренировка была длительной и интенсивной, до ломоты в каждой мышце, до тяжёлых и гулких ударов крови в висках, до серьёзного обезвоживания организма. Это даже больше походило на самоистязание. Ей казалось, что в каждом пробегающем навстречу взгляде была насмешка. И только боль и изнеможение давало иллюзию исцеления.

После утренней тренировки контрастный душ, дающий дополнительную закалку. Полезный завтрак и сборы на работу.

Дорогу до Нью-Йорка приходилось преодолевать с пересадкой. Сначала под лязг железа электрички, звенящего среди запахов парфюма, пота и перегара, ёжась среди заспанных, молчаливых, зевающих вялых тел, уткнувшихся в светящиеся дисплеи. Затем на городском автобусе, гордо плывущем по своей выделенной полосе, соревнуясь с наглыми и дорогими жёлтыми шашечниками. Ещё немного и Миа обязательно подкопит и купит первоклассный автомобиль, а потом и квартиру. Но хватит ли терпения...

Часть 2

Я, Миа

Вот и студия, заточённая в железобетонной небоскрёбной

колбе. Широкие коридоры, освещённые LED лампами с гранитными отполированными уборщиками полами. Высокие растения в больших чёрных глиняных горшках чередуются с абстрактными металлическими образами извивающихся тел.

Гримёрка, не менее светлая. Большое зеркало с подсветкой выглядит как портал. Портал, в котором я пытаюсь увидеть параллельную вселенную. Вселенную, в которой всё пошло бы по другому сценарию, в которой повороты с большим обзором и более плавные, в которой ты точно знаешь, кого можно, а кого нельзя любить. И эти процессы контролируемы сознанием, а не сердцем. Вселенная, где ты ощущаешь свою значимость для людей. Где родные всегда живы и здоровы, а тебя сопровождает вдохновение и умиротворение.

Ну хватит, пора оторвать взгляд от этого манящего света надежды. Пора ощутить эту реальность...

Еще несколько метров до съёмочной площадки, приветствие коллег, короткие беседы под утренний кофе, улыбки, смех и...

– Так, начинаем с пятой сцены, эпизод три, – голос режиссёра.

Хлопушка, и я надеваю маску. Удобно, маска одна. Маска голодной, похотливой и всегда довольной женщины. Шлепок по бедру, открытый рот, дубль два, ещё раз, на этот раз он проходит в горло, сбивая дыхание и извлекая приличный

сгусток слюны, лёд, щепок, свет камер, грубая сухая мужская рука, женская, нежная и чувственная, о да, стоны постановочные или нет – не разобрать, язык, как компенсация за предстоящую грубость, плевков, грубый рывок за волосы, теперь их трое, как хорошо, как плохо... И в этом вихре плоти и пота, наигранности и искренности, вожделения и отвращения, нежности и грубости ОН. И как его любить? Как он будет любить?

Руки

Сегодня Виктор Вениаминович вышел из дома, как обычно, в 7:15 утра. Он ёжился от осеннего колючего и влажного холода в своё тёплое итальянское пальто, поверх которого была накидка, похожая на мексиканское пончо, только монотонно-чёрного цвета. Она скрывала его неестественно большие, огромные плечи и полностью скрывала руки.

С безукоризненной точностью подъехал его Майбах с красивым сочетанием букв и цифр на госномере и личным шофёром. Лакей открыл мягкую и податливую дверь роскошного автомобиля, поприветствовав своего хозяина. Лишь еле заметным молчаливым кивком удостоил он своего слугу в ответ.

Кроме как на работе, Виктор Вениаминович был очень молчалив. Лощёное лицо редко выражало эмоции. Фигура была грузной и бочкообразной, а иксообразные ноги походи-

ли на одинокую ножку фужера. Последствия лёгкой и праздничной жизни. Конечно, отец пытался в детстве занять его. Сначала отвёл в теннисную секцию, которая ему быстро надоела. А затем в кружок моделирования, где он услышал от мальчишек порцию критики относительно его корявых и неумелых рук. Это была последняя капля, и так в небольшой чаше, терпения молодого человека. Полный холодильник деликатесов, американские джинсы, японский магнитофон... И зачем с таким арсеналом что-то делать самому? А завистливые и голодные взгляды сверстников, в вещах, доставшихся от старших братьев и сестёр, только способствовали самоутверждению.

В распахнутые кованые ворота, автомобиль помчал его из жизнерадостного фешенебельного района, усеянного уличными фонарями и диковинными высоченными заборами, по пригородной трассе к бетонным серым лабиринтам хрущёвок, в городскую промзону. Сзади, не отставая ни на секунду, следовал затонированный в ноль небольшой чёрный фургон.

Остановившись, он долго сидел и смотрел через искажённое каплями дождя окно авто на сутулые натруженные силуэты работяг, которые спешили на работу, дабы не отхватить штраф. Он смотрел и не понимал, как можно за такие копейки ещё и стремиться не опоздать на грязную тяжёлую работу. «Да, кстати, а за какие копейки??? О, Господи, зачем мне это знать», – поскорее стал он отгонять от себя эти мыс-

ли. Запах промзоны перебивал другой, более яркий запах, который он чувствовал даже через стекло – запах нищеты и незащитности. Этот аромат очень противоречив, он вызывает рвотный рефлекс и в то же время жажду, жажду власти.

Наконец он кивнул головой и его человек, стоящий в ожидании около машины, открыл ему дверь. Выйдя, он ещё раз мотнул головой, указывая на цель. Из фургона вышли ещё два здоровенных мужика и направились в одну точку. Схватив рабочего своими руками-клещами, они поволокли его в фургон. Народ старался не смотреть на эту сцену, пряча и отводя стыдливый взгляд. Испытывая радость, за то, что это происходит не с ними. Под хлопанье автомобильных дверей и визг пробуксовывающих шин, рабочие, стряхивая вместе с каплями дождя свои эмоции, забегали в проходную.

В прохладной, отделанной кафелем операционной, уже ожидала бригада хирургов и помощников. Все были высококвалифицированными дипломированными специалистами, приехавшими из Европы. Пойманного рабочего затолкали в операционную и стали готовить к операции, приковав его к столу, обривая и обрабатывая только руки. Перед бедолагой на стене висел огромный телевизор, от которого он не мог оторвать взгляд. Светящееся полотно передавало какие-то приятные и убаюкивающие новости, от которых веки становились неимоверно тяжёлыми, а мозг переставал чувствовать тело. Но взгляд успел выцепить его...

Он вошёл в операционную, скидывая пижаму-накидку с

плеч. Из плеч росли не просто руки. Это были ветви: из каждой руки росла ещё одна или её фрагмент, кисти, пальцы! И нет, они не росли! Они были пришиты, разные руки, нагруженные руки, каждая из которых держала смятые комья денежных купюр!

Она

Треск звонка выдернул Саймона из будничных раздумий.

– Саймон, полная боевая готовность! – торопливый поставленный голос раздался из трубки.

– Есть, сэр!

****

Сирена спецмашины разрезала настроенные ряды городского трафика автомобилей и будоражила монотонно идущие вереницы спешащих людей. Саймона начинало уже укачивать от постоянно болтающегося автомобиля, с визгом входившего в повороты. Но это помогало, в какой-то степени, отвлечься. Ещё он начинал вспоминать анекдоты или шутки из телевизионных передач, а иногда даже напевал какую-нибудь песню.

Наконец они прибыли. Пересечение Бродвея и Уолл-стрит. Последние приготовления, короткий бриф. Он шёл тяжёлыми шагами по промерзшему асфальту, ремни на амуниции скрипели от тяжести брони, а пот начинал увлаж-

нять хлопковую ткань униформы на спине. Под взглядами коллег и зевак-репортёров он ощущал себя супер героем, но при этом понимал, что у большинства из них лишь одна мысль: «Как можно было выбрать такую профессию?!».

Чёрный грязный универсал, потрёпанный дорогами и временем. Видно было, что на передних сидениях нет ничего подозрительного. Ручки на задних дверях были оторваны, а через грязные окна невозможно было рассмотреть заднее сидение. Саймон опять подошёл к переднему и через него разглядел, что сзади сидения и вовсе нет, а обе задние двери скручены между собой проволокой. Что это? Задумка автора? Или техническое решение предыдущего владельца авто?

Через передние сидения ему не пробраться, броня не позволит. Остаётся только один вариант. Он начал осторожно открывать багажник. Щёлк!!! Господи, Боже мой!!! Никогда бы не подумал, что замок может быть таким громким, – пронеслась мысль, и он максимально выдохнул воздух из груди. Нервная работёнка!

Взрывной механизм находился на месте, где должны были быть задние сидения. Поставив колени на край багажника, он стал аккуратно пробираться к цели. Несмотря на промозглый холод, пот начинал подбираться к глазам, тем самым затрудняя работу. Перед ним был механизм, подобных которому он не видел даже в учебниках. Неимоверное количество проводов с непонятным функционалом, зачем-то сделанный корпус из кусков пластика и скотча, торчащие во все сторо-

ны обрывки проволоки. А украшал этот смертельный артефакт будильник тридцатилетней давности, который громко тикал и придавал дополнительной нервозности. Провода, подходящие к будильнику-детонатору, тоже были прикрыты пластиком. Саймон начал осторожно отрывать скотч, предательски расходившийся на узкие полоски.

Придерживая пластину, Саймон ощущал, что на неё что-то давит изнутри, не сильно, но всё же... Тело начало затекать и трястись под тяжестью брони и нервного напряжения. И тут предательски ослабли пальцы... Шелест! Треск! Он зажмурился, вжав голову в плечи.

Саймон открыл глаза и увидел на полу россыпь конфет. Чёрт! Чёрт!!! Остроумно, ничего не скажешь! Сделал несколько глубоких вдохов.

Голова начала проясняться. И теперь перед глазами была понятная картина, что делать дальше. Детонатор найден, запал найден, всё как по учебнику... ну, кроме конфет.

Будильник был заведён на 14:00. В запасе ещё больше полутора часов. Саймон расслабился, она перестала его смущать. Он даже начал напевать себе под нос: «... детка – ты просто бомба...» и немного крутить бёдрами. Саймон ловко достал кусачки. Раздался щелчок перекусываемого провода, и в это же мгновение проскочила мысль-искра. Та мысль, в которой содержится невероятная концентрация рациональных взвешенных и обдуманых решений и идей, прошла рядом по всему телу и зажгла вопрос: «А так ли хорошо я её

изучил?».

В ответ он услышал: «Нет, я такого не прощаю!».

Зеркало

Дорогие читатели, хочу поведать вам короткую историю о коротком мгновении и целой человеческой жизни.

Человек, о котором этот рассказ, родился в самой обычной семье, в самом обычном городе. Мальчик с щуплой фигурой, небольшого роста, застенчивый и тихий. Не было у него и никаких феноменальных способностей. Может что-то и получалось чуть лучше, но звёзд с неба не хватало. А вот история, которая с ним приключилась, может показаться вам необычной и фантастической. И одни скажут, что такого вообще не бывает, другие – что бывает, а кто-то поверит в неё и скажет: я хочу, чтобы у меня было так же.

Явление, о котором этот рассказ, впервые произошло, когда нашему герою было лет двенадцать. Подходя к зеркалам, он с трудом начал узнавать себя. Изображения, которые он видел, местами были похожи, местами совершенно отличались. Они появлялись, искажались, какие-то черты пропадали вообще, что-то становилось красивее, а что-то наоборот. Чем старше он становился, тем чаще и внимательнее он стал рассматривать свои отражения, будь он в магазине, на работе или, например, у кого-нибудь в гостях. Стал тщательнее изучать мелкие детали, менять угол обзора: прямо смотреть

становилось уже не интересно. Он стал замечать, что, если зеркало в красивой оправе, то это не означает, что в него будет приятно смотреться.

Годы шли, глаз становился острее, и хватало недолгого взгляда, чтобы понять, что не найдёт он в этом зеркале своего отражения вообще.

И вот, в один день, он остановился у зеркала. Он смотрел в него и ему нравилось то, что он в нём видел. Да, он видел себя, лишь с небольшими отличиями, с более плавными чертами. Взоры стали пристальнее, более частыми и глубокими. Проскальзывали и странные формы в его отражении, но почему-то они его не пугали. Зеркало манило и притягивало к себе. При этом он не оставался прежним, он менялся, менялся в лучшую сторону, он чувствовал себя сильнее и увереннее. Он перестал бояться выходить за рамки привычного. Стал браться за что-то неизведанное.

****

Прошло много лет, прошло мгновение. В один из дней, он подошёл к зеркалу и не увидел в помутневшем стекле своё отражение. Слезами наполнились его глаза, спина ссутулилась ещё больше, руки стали дрожать, а ноги обмякли. Комната стала неприветливой и мрачной...

Прошло немало дней прежде чем он смог поднять глаза и посмотреть на то, чем он был окружён. В тот же миг невероятно тёплая улыбка озарила его лицо. Всё то, что он создал,

светилось и озаряло комнату. Абсолютно в каждом предмете он видел отражение, её отражение.

Шарлотка

Возник у меня как-то спор о шарлотке... Конечно все её делают по-разному. Уверен, для многих вкус выпечки неотъемлемо связан с детскими воспоминаниями, с теплом маминых или бабушкиных рук, с утром, когда тебя будят не солнечные лучи, а этот чудесный запах свежее испечённого теста и ванили, разносящийся не то, что по дому, а и по подъезду или двору. Ну и, конечно, сам вкус, текстура, которые ты не перепутаешь ни с чем. В моей памяти отчётливо закоренел этот бисквитный десерт с румяной, слегка хрустящей верхней корочкой, под которой раскрывалось нежнейшее воздушное, слегка влажное тесто, с лёгкой ванильной ноткой. Несомненно, сочности ему придавали и яблоки, именно с кожуркой, вмешанные в тесто, нарезанные небольшими кусочками в четверть окружности яблока, которые сочились соком и пропитывали тесто вокруг себя. Да, и нарезка яблок, и их количество – это залог гастрономической победы.

И, кажется, вот оно совершенство. Но бывают второстепенные вещи, продукты, которые ничуть не портят, а только делают акцент на превосходство. В моём случае, неотъемлемой частью был и будет стакан прохладного молока, подчёркивающий всю нежность этого любимого с детства десерта.

та.

Только любимые и близкие оставляют яркие и радостные воспоминания в вашей жизни.

Зависимость

После похолодания наступили тёплые осенние дни. Дни, когда начинаешь с большим трепетом относиться к солнечному свету и теплу. Шумные газонокосилки сменились на грабли, и на лужайках стали расти пестрые кучи из опавшей листвы.

Звонок в дверь заставил Марту немного вздрогнуть, хотя она ждала его с самого утра. На крыльце стояла стройная девушка, лет двадцати пяти, одетая в тёмно-синее драповое пальто, шарф сиреневого пастельного цвета и чёрные сапоги, подчёркивающие стройность её ног. От солнечного света создавалось впечатление, что её рыжие волосы пылают.

– Добрый день. Марта? – с улыбкой уточнила девушка.

– Добрый день, Элис. Да, всё верно, – улыбнувшись в ответ, сказала Марта. – Прошу, проходите, раздевайтесь.

Сняв пальто, Элис слегка взъерошила свои кудри, а затем пригладила их. Провела по бёдрам руками, разглаживая юбку, оглядела убранство дома и спросила:

– Надеюсь я вас не сильно отвлекаю?

– Что вы! Конечно, нет. Мне даже очень приятно, что вы заинтересовались моей историей. Проходите, присаживай-

теть.

В гостиной был накрыт стол. Две фарфоровые чашки и начищенный металл ложек блестели от солнечного света, льющегося из окна. Из носика заварочного чайника тонкой струйкой шёл пар. Посередине стола стояла ваза с конфетами. Весь дом наполнял аромат яблочного пирога.

– Присаживайтесь, – указав рукой на стул, сказала Марта. И начала было сама присаживаться, но, всплеснув руками, с извиняющейся улыбкой сказала, – Господи, про пирог чуть не забыла! Одну минуту!

Для своих шестидесяти лет Марта была невероятно шустрой. В её движениях не видно было возрастной скованности. Поэтому, не успев скрыться в кухне, она уже несла парящий пирог. Он был не маленький, такой, что его размеры даже развеселили Элис и она спросила:

– Думаете осилим?

– Не осилим, а осилите. Это вам, свой я сейчас принесу!

Элис замерла, пристально глядя на Марту.

– Да шучу я! – засмеялась Марта.

Элис разразилась смехом, а успокоившись сказала:

– Нет, так-то я бы смогла, просто я на диете.

Тут уже Марту привела в восторг её шутка. Просмеявшись, Марта начала наливать обеим чай, параллельно спрашивая:

– Джейн меня немного ошарашила, сказав, что вы придёте. Почему она вам сама не рассказала мою историю? – спро-

сила Марта.

– Джейн – подруга моей мамы. Это мама меня заинтриговала. Она не пересказывала вашу историю, а просто описала в общих чертах, а конец истории вообще не стала рассказывать, чтобы я окончательно вошла в азарт, – улыбнувшись ответила Элис. – Да и из уст главного действующего лица куда надёжнее и интереснее.

– Тоже верно. Ох и сплетницы! – в шутку рассердилась Марта. – Стоит девчонкам выпить по бокалу «Маргариты», так одна начудит, а другие растреплют.

– Сарафанное радио в нашей профессии полезный источник, – с иронией констатировала Элис.

– А из какого вы журнала?

– McCall's. Вы не против диктофона? – уточнила Элис.

– Конечно, нет.

– Тогда начнём.

Немного поёрзав от смущения, Марта начала свой рассказ.

****

Шёл последний год обучения в институте, я подрабатывала в закусочной, где работала уже месяц-полтора. С предыдущего места работы я сбежала из-за толстого управляющего – извращенца, который постоянно распускал руки и отпускал пошлые шутки. Да и посетители там были под стать этому уроду.

Новое место работы, наоборот, пользовалась популярно-

стью у местных копов. Конечно, далеко не все там святоши, но работала я там с удовольствием. За месяц уже все примелькались, некоторых я знала даже по именам. Я всё смотрела на них и удивлялась, как, после ежедневного общения со всякими мразями, они остаются людьми? Гражданских завсегдатаев я тоже знала всех в лицо. С кем-то кокетничала, с кем-то просто говорила о политике, о погоде или просто ни о чём.

И вот, в один из дней, заходит, хромая, молодой человек и заставляет монотонное жужжание этого улья смениться на возгласы радости. К нему подбегают несколько копов и начинают его хлопать по плечу, кто-то, подбадривая, кто-то интересуясь его здоровьем. Повернувшись, с улыбкой до ушей, Сэм крикнул мне:

– Элис, завтрак за мой счёт этому отважному парню!

В тот же момент тот бросил на меня свой ледяной взгляд. Крепко сложенный, со светлыми каштановыми, зачёсанными назад, волосами. Он просто источал уверенность, силу и секс.

После того, как все насладились пересказом, по сто раз уже рассказанной истории, он подошёл к стойке и заговорил со мной:

– Привет. Давно здесь работаешь?

– Месяц с небольшим.

– Как, не достают ребята? – мотнув головой в сторону людей в форме, спросил он.

– Не. Здесь, чувствуешь себя в полной безопасности. Особенно после предыдущего места работы.

– Это где?

– Закусочная у Фреда.

– Ого! Да уж, подонков там хватает. Кстати, Пол, – протягивая руку, опомнился он.

– Марта, – протянув руку, представилась я. – Ранение?

– Три, – ответил он с усмешкой, – но ничего, ещё пару недель, говорят доктора, и я буду завтракать здесь. – И, сделав паузу, добавил: – И желать тебе доброго утра.

Он опустил глаза в смущении и побрёл к выходу. Открыл дверь, повернулся и кинул взгляд мне на прощание. Смущение от такого уверенного красавчика – это контраст, который обескуражит любую женщину.

Его взгляд – лёд, обжигающий лёд. Он был прекрасен, но в нём и блесело что-то немного пугающее, что-то запретное, но манящее, греховное.

Я начала отсчитывать дни и надеяться, что его выпишут раньше. Я была уверена, что он придёт раньше. И да, это случилось. На третий день он пришёл. Видимо, чтобы парни над ним не подтрунивали, он не стал со мной долго общаться. Он спросил, как мои дела, и сразу же предложил встретиться вечером. Это было начало любви и страсти.

Прошло около месяца, когда свершилось это. Мы сидели в баре и Пол предложил поехать к нему. Я была готова к новым ощущениям и поэтому согласилась тут же. Я в жиз-

ни ничего подобного не испытывала. Сначала кружилась голова, но головокружение было приятным. Я не чувствовала своего тела, я была невесома. В то же время, периодически, по телу пробегал разряд, который вызывал мурашки по коже: от пяток до кончиков волос. Да, даже волосы! Мне кажется, что каждая клеточка моего тела получала кайф. Непроизвольно сжимались пальцы рук, впиваясь ногтями в ладони, а ноги были мне неподвластны, мозг просто не в силах был их контролировать. По животу разливалось тепло, а рот глотал воздух, которого, казалось было мало в комнате, но его заменяло удовольствие. Открывая глаза, перед приливом новой волны кайфа, я видела его взгляд, этот горячий лёд. Он смотрел на меня, извивающуюся от этого блаженства, взглядом садиста, который неожиданно для себя понял, что нашёл в тебе ту слабинку, перед которой ты и сама не смогла устоять, и вы оба получаете удовольствие. Он знал, что я буду просить ещё и ещё. И он мог мне это дать.

****

Одним воскресным солнечным весенним утром мы пошли с Полом в парк. Люди, вместе с природой, пробуждались, скидывая с себя надоевшие тёплые вещи, оголяя свои тела, побуждая взаимный аппетит друг к другу. Группы тинейджеров заглушали пение птиц громкой современной музыкой из своих портативных колонок и шумными разговорами, сопровождающимися смехом. Игроки в фрисби беспощадно топтали молодую траву. Детский смех довольных де-

тей, плач обиженных. Аромат кофе и сосисок на палочках, попеременно с запахом молодой зелени и земли. В мини-юбках и коротких шортах девушки, которым хотелось навалиться за то, что твой мужчина может заработать косоглазие... В общем, жизнь наполнялась привычными, но в то же время новыми красками.

Мы оказались в тихом месте, в гуще парка, и увидели молодую пару, расположившуюся под огромным старым дубом. Мы шли и в шутку обсуждали план по выкуриванию их с этого чудесного места. И как будто вселенная нас услышала. У молодого человека зазвонил телефон, и он что-то бурно стал обсуждать. После чего, второпях, они стали собираться. Мы замедлили шаг и стали подкрадываться, как две дикие кошки, заприметившие добычу. Увидев, что навстречу нам шла ещё одна пара, мы, переглянувшись, без лишних слов вновь ускорились. Потом мы сидели и смеялись, чувствуя себя дикарями, но нам было плевать: за такое роскошное место можно побыть и ненормальным. Мы достали сэндвичи, кофе и приступили к их уничтожению. Жуя, мы разговаривали и смеялись, плюясь крошками, и от этого смеялись ещё сильнее. Наевшись от пуза, мы улеглись на разложенном пледе и молча смотрели сквозь дрожащую от ветра крону дерева на яркую лазурь неба.

Я прервала молчание:

– Пол.

– Что? – ответил он сонным голосом, проводя ладонями

по своему лицу.

– Прости, я не думала, что ты спишь...

– Ничего страшного, – сказал он успокаивающим голосом, – что ты хотела спросить?

– Я хотела спросить, почему ты выбрал именно эту профессию?

Пол молчал секунд десять, после чего начал:

– На самом деле, я хотел быть медиком. Я даже несколько лет отучился. Пока не началась практика...

Я привстала, оперившись на локоть, и вопросительно посмотрела на него. Он улыбнулся с тоской и продолжил:

– Да, в молодости меня тянуло спасать людей. Наверно, это от родителей передалось. Мои родители были хирургами, на одном из симпозиумов они как раз и познакомились. Понятно, что множество историй было мной услышано: разных, печальных, весёлых, и, конечно, воодушевляющих. Спасать жизни людей! Я смотрел на них, как на супергероев, и мне казалось: этой суперпаре не хватает суперсына, тогда бы суперсемья гармонично состоялась. Мне было очень интересно учиться. Но во время практики, в клинику привезли молодого парня, лет 14. Его тело извивалось и тряслось, как будто оно было лишь оболочкой, внутри которой, копошатся черви, пытаясь выбраться наружу. На одежде были следы рвоты, изо рта шла пена, а глаза закатились, глядя склерами на своих потенциальных спасителей. И вдруг его тело резко замерло, голова, смотревшая в потолок, плавно повернулась,

появились зрачки и на протяжении нескольких секунд, он смотрел мне в глаза, после чего его веки плавно сомкнулись. Конечно, это может быть надумано, но в тот момент мне показалось, что в его взгляде был укор, что никто не уберёт его от наркоты, и вопросы, много вопросов. Почему он не успел попробовать в этом мире что угодно, но только не эту дрянь? Почему он не найдёт любовь, в будущем создав счастливую пару с парой-тройкой детишек? Почему он не заведёт ретривера, о котором мечтал всё детство? Почему он не будет наслаждаться воскресным завтраком, сидя на террасе? Почему больше не сможет по-детски плюхнуться в пушистый снег? Почему не сможет испытать бессонные ночи накануне экзаменов? Почему не сможет наслаждаться вкусной едой, которую не попробовал? Миллионы почему отразились в этом коротком взгляде. И тогда я понял, что могу быть хоть на один шаг впереди в борьбе с одним из многочисленных зол в этом мире. В тот же день я подал документы на отчисление. И уже осенью поступил в полицейскую академию.

Мы снова замолчали, переваривая каждый своё. Я – новый и неожиданный поворот в его судьбе, он, наверно, горькие воспоминания, которые я пробудила.

****

Парк, пожалуй, был нашим излюбленным местом. Но мы находили множество интересных, а порой и безбашенных развлечений не только здесь. Мы читали друг другу стихи за бокалом вина на веранде дачного домика. Ходили на ка-

ток, надевая поверх одежды пижамы в виде медведей. Толкали друг друга в сугробы. Ходили в походы и в тёплые ночи спали голышом под чистым звёздным небом. Разыгрывали прохожих. Пили пиво с чипсами и устраивали соревнования по отрыжке. Проводили тесты на знание друг друга. Стрелялись резинками для банкнот. Да всего и не перечислишь.

****

Прошло шесть месяцев со дня нашего знакомства. Мы пошли на баскетбольный матч. Мы постоянно ходили на стадион, я стала фанатом поневоле. Когда только начинаются отношения, тебе легче обуздать свою неприязнь к каким-то вредным привычкам партнера, к его тараканам, предпочтениям. Страсть и чувства рушат эти стены непонимания. Наверно, это момент истины. Тот момент, когда ты думаешь: да почему бы и нет, не настолько уж и бессмысленной фигней он страдает. А потом, если ты на это начинаешь смотреть не то, что сквозь пальцы, а с интересом, просыпается азарт, начинаешь испытывать от этого удовольствие, искреннее, неподдельное, то тут становится безоговорочно понятно, это твой человек, ты хочешь принимать его таким, да ещё и участвовать в этом. В общем, это стала одной из наших совместных традиций.

Поход на стадион всегда сопровождался ритуалом: мы надевали брендированные кепки, купленные в фанмагазине, со встроенными банками, заправляли их пивом, брали по хот-догу с горчичным соусом и сидели довольные, по уши в этом

соусе. Потом мы по очереди сотрясались от отрыжки, выходящей через нос, глядя друг на друга с улыбкой снисхождения и пониманием того, что полегчало.

Невозможно не влюбиться в стадион. Ты сидишь в этой громадной чаше, в которую стекаются люди, бросившие все свои дела, кто-то даже близких людей, кто-то слинял пораньше с работы. Нескончаемый гул заглушает весь негатив, все протесты, просьбы и мольбы извне. Болельщики идут с непоколебимым ощущением, что сегодня ребята с номерами на спине их не разочаруют. Вы не увидите на стадионе ни одного грустного лица, по крайней мере до финального свистка. Люди на стадионе полны веры, они блаженны. И ты становишься таким. А когда рядом человек, любимый, и такой же увлечённый, то во вселенной не остаётся ни одной планеты, кроме планеты Стадион.

После матча, уже поздним вечером, мы прогуливались по любимому парку. Было отличное настроение, наша команда победила в упорной борьбе, с разницей всего в два очка. Кое-где попадались подвыпившие болельщики, распевая песни и выкрикивающие речовки, расплёскивая алкоголь, завернутый в бумажные пакеты. В какой-то момент мы остались совершенно одни. И тут Пол, всю дорогу чеканивший об асфальт сувенирный баскетбольный мячик, говорит мне:

– Давай воспроизведём победный бросок?! Снимай кепку!

Он отбежал на метров десять и продолжил чеканить мячик, только уже сопровождая свои действия голосом комментатора. И вот он делает последний удар и бросает мяч. Попадание было чистейшее, но я поняла, что мяч остался у него в руке. После попадания в импровизированную корзину, он, как ненормальный, стал бегать по кругу, давая «пять» невидимым болельщикам, и кричать: «Бросок судьбы, бросок судьбы!». Я заглянула в кепку и увидела в ней связку ключей, на брелоке которых было написано моё имя. Набегавшись, Пол подошёл ко мне, достал из своего кармана свои ключи с таким же брелоком, но со своим именем, и сказал с улыбкой:

– Это чтобы, спросонья, ты мои ключи не уволокла.

Да, это было предложение жить вместе. Сколько я раздумывала? Не существует такой ничтожной цифры. Мы стояли и целовались, сжимая в руках куски холодной стали, дающие нам шанс узнать и полюбить друг друга ещё больше.

****

Прошла пара недель с того момента, как мои вещи дополнили комнаты квартиры Пола. Мы сразу договорились оповещать друг друга, если то или иное действие выходит из рамок допустимого противоположной стороны. И пока что всё шло гладко.

Я была счастлива, я торопилась наслаждаться своим счастьем, я села за телефон и начала обзванивать друзей, знакомых и родных, чтобы сообщить свои новые координаты.

Правда, из родных у меня осталась только тётка, и та в Колорадо. И это было очень своевременно. Буквально через три дня раздался звонок и мне сообщили, что тётя Хильда в тяжёлом состоянии в больнице. Видимо, услышав мой счастливый голос, она не хотела меня расстраивать, а может и вообще не хотела говорить о своём состоянии. Я взяла отгул и полетела к ней.

Колорадо встретил меня холодной погодой и проливными дождями. Забросив багаж к тётке на квартиру, и переодевшись в сухие вещи, я сразу же поехала к ней в больницу. Там я узнала, что у неё последняя стадия рака головного мозга, и что ей остались считанные дни. Я старалась проводить с ней как можно больше времени. Наверное, хотела компенсировать дефицит внимания, который у неё был в избытке после того, как я переехала учиться и работать в Нью-Йорк. Я была ей очень благодарна за то, что она вырастила и поставила меня на ноги. Родители не могли потянуть моё обучение. Тогда тётя Хильда пришла на помощь, решив проблему оплаты института. Хотя она никогда и не жила в роскоши, но все свои накопления пожертвовала мне.

Её болезненные приступы становились с каждым днём всё сильнее и чаще. Смотреть на это было невыносимо.

Днём, в разговорах и хлопотах, я ещё как-то немного отвлекалась. Но вечером, когда я приходила в квартиру, накаtywало и меня начинало ломать. Я абсолютно забывала про больницу и мне становилось стыдно от этого осознания. Я

не находила себе места. Я не могла нормально есть и спать. Тело буквально скручивало. Я поджимала ноги к животу и обнимала себя руками. Алкоголь не глушил, а лишь усиливал желание. Когда мы созванивались с Полом, он призывал меня потерпеть и сокрушался от того, что не может приехать ко мне.

Две недели агонии тёти Хильды. Две недели моей ломки. Уладив все дела, я рванула первым же рейсом обратно в Нью-Йорк. Во время всего пути, я мысленно подгоняла всё, на чём передвигалась, и проклинала всех людей, которые мне преграждали путь или плелись, как черепахи. Добравшись до дома, я взлетела по подъездной лестнице и, открывая дверь, чертыхалась. От того, что я торопилась и неслась по лестнице, тряслись руки и ключ предательски не попал в замочную скважину. Наконец я услышала щелчки замка с обратной стороны. Буквально полчаса, и два обмякших тела лежат на кровати, доза получена. Наутро я поняла, что зависимость усилилась и уже не могла представить другой жизни.

****

Когда начинаешь жить с человеком, многие вещи начинаешь воспринимать по-другому, смотреть на них через призму жилища. Тебе открываются новые привычки, казалось бы, изученного человека. Но эти моменты ничто по сравнению с тем, что человека, выбравшего профессию полицейского, ждёшь с работы по-особенному. Это ожидание начи-

нается с того момента, как ты закрыла за ним дверь. Корни страха разрастаются по всему телу, порой не давая тебе делать элементарные вещи. Часы как будто увязают в смоле, а любой резкий звук пронзает твоё тело от головы до кончиков пальцев ног. Когда я увидела его впервые и узнала о его ранениях, то смотрела на него как на отважного рыцаря из сказки, которому не страшны ни противник, ни монстры, ни магия. И ты погружаешься в эту утопию. Но, потихоньку, узнавая особенности его работы, и вечером, сидя на кухне и слушая полицейские истории, начинаешь видеть, что сказка вокруг тебя начинает растворяться в серости будней с багровым оттенком.

Практически, как только мы съехались, я с осторожностью дикого зверя подходила к вопросу о смене его профессии. Я не хотела закатывать ему истерики, зная, что он любит и гордится своим мундиром настолько, что в нём даже вкус пончиков с кофе становится особенным.

Примерно через полгода, как я переехала, Пол пришёл домой с пластырем на шее. Мы были честны друг с другом, и я знала, что он не будет придумывать небылицы. По выражению моего лица Пол понял, что я настроена на серьёзный разговор. Заклеенную царапину он получил в перестрелке. Считанный миллиметр был между пульей и сонной артерией, считанный миллиметр от моего одиночества. После нашего разговора он пару дней ходил задумчивый. Но если человек любит своё дело, он найдёт кучу доводов, чтобы продолжить

его. И я поняла, что он успокоил себя. Но только не меня.

Спустя неделю после этого происшествия я вытащила Пола на прогулку. Он был крайне удивлён столь поздней вылазке. Мы прошли пару кварталов и остановились у заброшенной стройки.

– Похулиганим? – сказала я.

– Что ты задумала, Марта? – недоумевая, Пол смотрел на меня, пролезающую в дыру забора.

Он пролез за мной. Мы встали посреди площадки.

– Что ты творишь?? – не унимался Пол. По выражению его лица я понимала, что он не злится на меня, зная, какая безумная я порой бываю.

– Все вопросы потом, – сказала я, прислонив указательный палец к его губам. Он поцеловал его и растерянно улыбнулся. – Просто потерпи пару минут, подожди меня здесь.

Я побежала в здание. Оно было не достроено, стены были лишь частично, в основном это был просто железобетонный каркас с лестничными маршами. Видимо, по задумке архитектора, два корпуса здания соединялись проходами, чередовавшимися через каждые два этажа. К каркасу одного из таких переходов, на уровне шестого этажа, я и подошла.

– Господи, что ты творишь! – закричал Пол, когда я шагнула на бетонную балку.

Я посмотрела на его мечущийся силуэт и потихоньку пошла на противоположную сторону. Я была максимально сконцентрирована, пытаюсь рассмотреть в темноте помехи

на моём пути и ловя порывы ветра. Боковым зрением я увидела, что Пол рванул в корпус, по направлению которого я двигалась. Мне казалось, я шла вечность, а сердце билось так, что казалось: содрогания от его биения сбросят меня вниз. Пол стоял, уцепившись за колонну с протянутой мне навстречу рукой. Как только я подала свою руку, я ощутила невероятную боль от его мёртвой хватки. Оказавшись рядом с ним, мы обнялись и так стояли, молча, чувствуя биение сердец друг друга. Потом он отодвинул меня и спросил:

– Что это за выходки???

– Пол, ты сейчас почувствовал то, что я чувствую каждый день, ожидая тебя с работы.

Он поцеловал меня и снова обнял, не говоря ни слова. Также молча мы дошли до дома, держась за руки. Да, он любил свою работу, но я просто не могла представить, что будет со мной, если я его потеряю.

****

Да, я поступила как эгоистка. Но он был мне нужен, как кислород. И я поняла, насколько он меня любит, когда он пошёл против своих идей, против своей любимой работы и принял решение уйти из полиции. Я думала, что вселенная нас просто обожает, потому что буквально через пару дней после того, как Пол объявил о своём решении, мы столкнулись на улице с его одноклассником из медицинской академии и, разговорившись о жизни, выяснилось, что у него свой бизнес и ему нужен менеджер по продажам лодочного обо-

рудования.

Был его предпоследний день на службе. У меня началась ломка, я хотела его, я попросила, чтобы он приехал поскорей. Пол сказал, что заедет, как обычно, на обед и напоследок воспользуется своим служебным положением. Он сказал, что если я услышу полицейскую сирену, это значит, он рядом.

И вот я слышу сирену, совсем близко, смотрю в окно, ожидая вот-вот его увидеть. По спине пробежал непонятный холодок и через несколько секунд раздаётся сильный хлопок... Я сразу почувствовала неладное и выбежала на улицу по направлению к пути его следования. Из кольца толпы зевак шёл чёрный дым и мелькали проблесковые маячки. Шум города заглушили встревоженные голоса горожан. Я стала протискиваться к центру через людей. Кто-то раздавал советы, кто-то истерично кричал, кто-то причитал, взывая к Господу, кто-то закрывал лицо детям, кто-то снимал всё на камеру своего телефона.

Пробравшись, я увидела месиво из металла и человеческой плоти. У полицейской машины не было шансов против многотонной пожарной машины. Я отгоняла эту неотвратимую липкую мысль, уверяя, что это не он. Я старалась разглядеть каждый сантиметр окровавленного тела, с торчащими через плоть костями. Но все мои надежды рухнули, когда я увидела в замке зажигания ключи с брелоком, на котором была гравировка «Пол». Вселенная не то, что нас невзлюбила, она

ещё и издевательски усмехнулась, каким-то чудом оставив невредимой магнитола, не переставшей играть его любимую композицию, «You never walk alone».

Из отчётов о ДТП выяснилось, что Пол ехал на большой скорости с включенной сиреной и, проезжая на красный свет, его машина столкнулась с пожарной, ехавшей на вызов. Удар бампера пожарного авто пришёлся точно в водительское кресло, шансов выжить был один на миллион.

Марта замолчала. Прошло несколько минут. И тут Элис отважилась спросить:

– И как после такого вам удалось завязать? Обычно, чем-то глушат боль...

– Очень долго ломало, очень! Конечно, спустя лет пять, я пробовала новое и новое... Но нет, действительно любимый человек, с которым душа и секс сплетаются в единое – это наркотик, меняющий твою жизнь на до и после.

В следующем номере журнала появилась история под заголовком «Зависимость».

Под небом цивилизации

– Станция «Нижний Новгород», – оповестил приятный женский голос.

Пассажиры в нетерпении толпились около дверей, плавно подъезжающего скоростного поезда. За окном суетились люди, отсчитывая номера вагонов и ища взглядом долгождан-

ные лица.

Алексея на перроне никто не ждал. Он приехал в город, в котором был только один раз, на собеседовании. Нижний встретил его знойной погодой. К счастью, квартира, которую он взял в аренду, была с кондиционером, а пока от жары его спасало здание вокзала, с высочайшим потолком и тяжело свисающей огромной люстрой в середине. У прилавков сувенирных магазинов толпились туристы. Полусонную охрану периодически будил звон металлоискателя. Чемоданы гремели колёсами по гранитному полу. Внимательно оглядев интерьер, он достал телефон и вызвал такси.

Всю дорогу он крутил головой, разглядывая людей, архитектуру и ландшафты города. Он доехал до дома, поднялся, открыл дверь. Его обдало спёртым воздухом квартиры, истосковавшейся по человеческой заботе. Он распахнул все окна и пошёл искать магазин, чтобы купить что-нибудь на ужин. Магазин оказался под боком. Покупать полуфабрикаты не было в привычке у молодого су-шефа. Для него приготовление еды даже самому себе не было в тягость, он получал несказанное удовольствие от этого процесса, поэтому и достиг многого своём деле к двадцати пяти годам. Оказавшись у прилавков, он внимательно рассматривал продукты, их состав и срок годности, одобрительно кивая или морщась в негодовании. В корзине оказались: десяток яиц, молоко, зелёный лук, сливочное масло, свежий розмарин, оливковое масло, ржаной хлеб, овощи, стейк и куча разнообразных спе-

ций.

Алексей пришёл домой, закрыл окна, включил кондиционер и достал из чемодана лишь чехол из натуральной кожи, положил его на стол и с особым трепетом открыл, обнажив блестящую сталь ножей. Поставил разогреть сковородку, параллельно намывая овощи и зелень. Быстрые и лёгкие движения ножа превратили овощи в салат буквально за одну минуту. Следом на сковородке зашипел стейк, украшенный веточкой розмарина. Несмотря на усердную работу вытяжки кухня стала наполняться ароматным дымом. Медум рэй – любимая прожарка! Он положил стейк «отдохнуть» на разделочную доску, с хрустом посыпав его солью и чёрным перцем из мельницы. Он ел не торопясь, наслаждаясь каждым кусочком, его вкусом, запахом, текстурой и, глядя в окно, изучал местные дворы. Закончив ужин, он откинулся на спинку стула и с наслаждением выдохнул. Посидев немного и проштудировав интернет с достопримечательностями, он решил не залипать у телевизора, а отправиться на изучение города, а заодно заняться своим вторым любимым делом – фотосъёмкой. С не меньшим трепетом он расчехлил фотоаппарат, проверил заряд батареи, мягкой салфеткой протёр линзы объективов. Затем решил и себя немного привести в порядок, приняв холодный душ. И начал собираться в пеший путь. Он уже обувался, когда раздался звонок телефона.

– Привет, мам! Прости, забыл позвонить... Всё нормально. – поторопился оправдаться он, держа телефон между

ухом и плечом и одновременно обуываясь.

– Ты уже дома? – раздался заботливый голос из динамика.

– Да и даже уже поел, – улыбнувшись в зеркало, ответил Алексей. – У тебя всё хорошо?

– Да. Вот решили с тётёй Людой завтра на дачу поехать, покопаемся в огороде, а потом её день рождения отметим.

– Отлично. Я сегодня перед дорогой ей уже звонил, поздравил.

– Молодец. Ну ладно, не пропадай, позванивай хоть иногда своей старушке, – с иронией сказала мама.

– Хорошо, – с улыбкой ответил он, – Люблю тебя. Пока.

– Пока, любимый!

На выходе из подъезда Алексея встретили три пары изумляющих глаз местных пенсионерок.

– Добрый вечер! – с простодушной улыбкой сказал Алексей.

– Добрый вечер! – отозвались недоверчиво дозорные и проводили взглядом, перешёптываясь и теряясь в догадках.

Духота не отступала. Но Алексею не терпелось посмотреть город и сделать множество кадров. Он включил навигатор и, не торопясь, пошёл через маленькие уютные дворики, утопающие в зелени. Вскоре он совсем забыл про навигатор и шёл, куда глаза глядят. Спускаясь по Зеленскому съезду, он увидел блеск реки, переливающейся от солнечных бликов. Так он оказался на Нижне-Волжской набережной.

Несмотря на то, что был четверг, народу было не мало и

создавалось впечатление вечера выходного дня. Влюблённые парочки, группы подростков, снующие туда-сюда самокаты и велосипеды – люди наслаждались летом под аккомпанементы уличных музыкантов и шум проезжающих автомобилей. Справа виднелась канатная дорога, слева, на противоположном берегу, возвышался собор и вальяжно распластавшийся футбольный стадион.

Алексей замер, думая, в какую сторону двинуться. Выбор пал на левую часть набережной. Пройдя несколько десятков метров, он заметил на лавочке девушку, уткнувшуюся в экран своего телефона и периодически поднимающую голову, чтобы осмотреться по сторонам. Стройная брюнетка гордо держала осанку. Белый облегающий топ с тонкими бретельками подчёркивал её фигуру. Короткие джинсовые шорты позволяли оценить прелесть её ног. Алексей, несколько замешкавшись, решился подойти.

– Добрый вечер! – с доброжелательной улыбкой сказал он.

– Здравствуйте, – с лёгким изумлением отозвалась девушка.

– Не подскажите, куда ведёт канатная дорога? – показав рукой, продолжил Алексей.

– Ааа, это канатка на Бор, город на том берегу, – пояснила она. – Турист? – сделав из ладони козырёк от яркого солнца и разглядев симпатичного парня, спросила она.

– Не, я только сегодня переехал сюда, работу предложили. Вот решил прогуляться. Даже специально пораньше при-

ехал, чтобы немного освоиться и познакомиться с городом... А может и не только с городом? – улыбнулся Алексей, – Извините, а вы кого-то ждёте? – сменил он улыбку на учти-вость.

– Класс! Да, подружек жду. А откуда приехали?

– Из Владимира.

– И что за специалист из Владимира к нам пожаловал? – с улыбкой спросила девушка.

– Су-шеф, – гордо и с улыбкой ответил Алексей.

– Обалдеть! Где можно будет отведать ваше творчество?

– Скажу только при следующей встрече, – не прекращая улыбаться, ответил он.

– Окей. Тогда будем знакомы, Лиза.

– Алексей.

– Так мы ж сегодня без парней гуляем! – раздался шуточный голос за спиной Алексея.

Он обернулся и увидел трёх девушек, сверлящих в нём отверстия своими взглядами.

– Это Алексей, су-шеф, – представила Лиза Алексея своим подругам.

– Очень приятно, – заговорили девчонки вразнобой. – Но сегодня, наш вечер, – хохоча запротестовали они.

– Не смею больше задерживать, но только после того, как узнаю номер телефона вашей подруги.

Лиза и Алексей обменялись номерами и разошлись в разные стороны набережной, периодически оглядываясь и про-

вожая друг друга взглядом. Когда девушки скрылись в толпе, Алексей включил камеру и продолжил фотографировать. Дойдя до конца набережной, он увидел ещё два моста. Слева был склон с множеством тротуаров, освещённый уличными фонарями. Правее по склону тянулась длинная лестница у подножья которой красовались слова «Нижний Новгород», а у верхушки возвышался памятник воздушному шару. Около него толпились люди и периодически мелькали вспышки телефонов и фотокамер. «Оттуда прекрасный обзор», – подумал Алексей, но придётся попотеть. Он не ошибся, вид был завораживающий и достойный внимания профессиональной фотокамеры.

Пройдясь немного вверх по Заломова, он увидел мост, перекинувшийся над Похвалихинским съездом. Пройдя по нему, он зашёл во дворы сталинских построек, заглядывая в окна, залитые светом. От них веяло домашним теплом и уютом. Непреодолимо хотелось свистнуть, как в детстве, чтобы друг Пашка вышел погулять или просто вломиться в гости, без договорённости, без звонка, поболтать, а тётя Маша ещё бы и угостила чем-нибудь вкусным: батоном со сливочным маслом и вареньем, например...

Витая в облаке детства, он оказался на Барминской, а затем и на Окском съезде. Решив немного передохнуть на зелёном ковре откоса и любуясь огнями ночного города, он стал предвкушать встречу с Лизой, думая, каким бы гастрономическим произведением её удивить. Кто знает, может быть

именно её всю жизнь он будет удивлять своим кулинарным талантом? Может объектив его камеры всё чаще и чаще будет обращать своё внимание на неё? Может именно она будет верить в его удачи, сокрушительно ударяя, не бранью, а лаской по тревогам и разочарованиям? Может именно с ней он разделит тот уютный свет? Свет! Яркий и ослепляющий прервал его мысли, а затем внезапно налетевший шквалистый ветер и раскат грома. Он повернулся и увидел густые грозовые тучи. Дождь мгновенно ливанул, как из ведра. Алексей сразу стал укладывать фотоаппарат в сумку, туда же он положил и телефон, но, пройдя буквально несколько метров, услышал оповещение. Решив прочитать сообщение дома, он в ту же секунду передумал, вспомнив про Лизу, и достал телефон.

– Грёбанный спам! – зашипел он себе под нос и, не останавливаясь, стал запихивать его обратно. Телефон попадал куда угодно, только не в сумку. На ходу, в темноте, он пытался понять, почему же он не лезет. Увлёкшись изучением этого вопроса, он поскользнулся на мокрой траве и нога поехала. Дальше в дело вступила физика, с которой не могут совладать человеческие мышцы. Алексей летел кубарем, периодически делая кульбиты в воздухе, падая на сумку с фотоаппаратом и переворачиваясь в воздухе снова и снова. Пару кувырков мозжечок ещё отрабатывал действия и мужчина интуитивно выставлял руки и ноги, но, после нескольких ударов о землю, мозг отключился и тело брэнно летело вниз.

****

Его глаза открылись, когда солнце было высоко и нещадно жарило его лицо и руки. Голова кружилась и была налита свинцом. Рот наполнился металлическим привкусом вперемежку с солёным вкусом крови. Подкатила тошнота и он интуитивно попытался встать, повернув голову вбок. Но ему удалось лишь слегка приподняться, поскольку в то же мгновение боль, которая заполняла каждый участок его тела, усилилась в несколько раз. В глазах потемнело, а сердце начало учащённо биться. Несколько минут он лежал в ступоре. Начал подкатывать второй приступ. На этот раз он плавно повернул голову, но даже рвотные судороги причиняли невероятную боль. Немного взяв себя в руки, Алексей попытался размотать путанный комок из боли, чтобы понять, что именно повреждено. Первым делом он попытался понять, чувствует ли он ноги. Почувствовав, что пальцы шевелятся, он выдохнул с небольшим облегчением и тут же понял, что на левом боку, вероятнее всего, сломаны рёбра. Вспышки в памяти и он вспомнил первые кувырки и удары, а именно, как пару раз он рухнул на сумку с фотоаппаратом. Он продолжил диагностику ног, попытавшись поочерёдно их приподнять. Левое колено болталось, заваливая ногу на бок. Но самым пугающим было то, что при попытке пошевелить ногами, дикая боль была в области таза. Правая рука была точно сломана, в районе предплечья, было видно невооружённым взглядом, что её форма стала неестественно выгнутой. Алек-

сей плавно повернул голову, чтобы посмотреть на левую руку. Он уже не хотел шевелить ей, чтобы совсем не отчаяться. Рука болела, но немного, по сравнению с остальными повреждёнными частями тела.

Алексей лежал ногами вниз по направлению к подножью откоса. Он немного задрал голову назад, затем осмотрелся по бокам. Осмотр местности был неутешительным, он лежал в кустах, откуда с трудом мог разглядеть только крыши автобусов, спускающихся по дороге. Он пытался вспомнить местность, что именно находилось вокруг него, были ли внизу, там, где он сейчас лежит, тротуары или хотя бы тропки, насколько близка проезжая часть слева от него. И то, что он вспомнил не вселяло оптимизма, его окольцовывал серпантин автодороги. Ближайшие постройки были далеко наверху откоса. Тогда он набрал полную грудь воздуха и, что есть мочи, преодолевая боль, протяжно закричал.

Ему показалось, что он крикнул в вакууме: шум деревьев, автомобилей и всеобщей городской суеты беспощадно поглотили жалкое «помогите». Алексей ещё два раза попытался перекричать город, но город был сильнее, он был громче. Мужчина понял, что каким-то образом ему нужно выбраться на более видное место. Взяв всю волю в кулак, он дотянулся до ближайшего куста, чтобы, уцепившись за него, перевернуться на живот. После того, как он оказался на животе, из груди произвольно вырвался крик боли. До следующего куста, вверх по склону, было метра три, но уцепиться было

не за что. Он вцепился в землю левой рукой, но несмотря на прошедший дождь, земля была твёрдой. За полдня, которые он пролежал без сознания, солнце высушило всю влагу, которую не успела впитать жаждущая почва. Алексей стал рыть ногтями землю, пытаясь сделать хоть небольшое углубление для зацепа. Земля быстро набилась под ногти, причиняя ещё одну боль. Тогда он решил соорудить орудие из ветки кустарника. Кустарники были молодыми и ветки были как резиновые.

Казалось, прошла вечность, прежде чем куст поддался. Алексей начал рыть землю краем прута, но он махился и гнулся. Тогда он взял прут, упёр его в землю и согнул пополам. Место сгиба оказалось намного жёстче и более пригодным для рыхления земли. Борьба с кустом, под испепеляющим солнцем отняла колоссальное количество сил. Сколько же мне потребуется сил, чтобы вырыть несколько углублений, а потом ещё и проползти на одной руке? – подумал он. Других вариантов он пока не видел, поэтому, немного передохнув, принялся копать углубление.

Жаркое солнце, усложнявшее работу, клонилось к закату. Силы были на исходе и Алексей понял, что нужно поспать, чтобы набраться сил. Стоило ему отложить своё орудие, как сразу же усталость навалилась с ещё большей силой, и он уснул.

****

Алексей проснулся среди ночи и, выглянув из палатки,

увидел, что костёр практически погас. Он нежно поцеловал голову безмятежно спящей Лизы и выбрался наружу. Немного пройдясь вдоль берега моря, он набрал сухих веток, выброшенных когда-то бушующей водой. Подбросив хворост в костёр, он начал дуть на угли, медленными и мощными выдохами. Просыпаясь, огонь бесновался множеством мелких искр, стремительно взлетающих вверх, пока не успокоился, обняв своим жаром всю древесину. Алексей сел на бревно у костра и, положив локти на колени, протянул руки к огню. Ночную тишину нарушали лишь неугомонные насекомые и шелест небольших волн. Небо было ясным, усыпанным звёздами, а на горизонте образовался чуть заметный ореол нового дня. За спиной он услышал шорох в палатке, а затем и лёгкое похрустывание песка, но не стал оборачиваться: он знал, что это Лиза. Знал, что она подойдёт и как обычно обнимет его.

– Чего не спишь? – спросила Лиза.

– Проснулся и понял, что огонь гаснет, – ответил он и немного помолчав, добавил, – Просто не хочу спать с чувством того, что рядом нет огня и света.

Лиза, присев на корточки позади Алексея, нюхала его волосы, одной рукой нежно гладила его грудь, а второй держала его ладонь.

– А ты зачем встала? – спросил Алексей.

– Мне нужно кое-что сделать, – загадочно ответила она.

– Что же? – изумлённо спросил он.

Лиза одной рукой обняла его за шею, а вторую просунула под ногами, лёгким движением подняла Алексея, медленно зашла в воду чуть выше щиколоток и опустила его. Он вытянул шею, чтобы вода не попала ему в рот и нос. Она была холодной и ему захотелось побыстрее к жаркому огню, но он не мог пошевелиться, вода будто заколдовала его своими лёгкими ласковыми волнами. Он смог лишь выдавить из себя два негромких слова:

– Зачем..? Это...

****

Алексей проснулся от холода, он весь был сырой от утренней росы. Тело трясло от судороги, челюсти не слушались и стучали зубами. Он слизал росу с травы, до которой мог дотянуться, попытавшись хоть немного утолить жажду и со злостью бросился за работу, представляя впереди костёр из своего сна.

К обеду он вырыл три углубления и добрался на расстоянии вытянутой руки до куста, находившегося выше по склону и подтянул себя. Небольшой, но очень важный путь, – подумал Алексей. Он снова был весь сырой, но уже от неотступающей жары и активной работы. Он остановился, чтобы немного перевести дух. И вот, в один из таких отдыхов, он услышал возню в соседних кустах.

– Здесь, я здесь! – закричал он.

Никто не отзывался. Тогда он закричал снова и из кустов появились три бродячие собаки. Алексей не боялся со-

бак, но в данной ситуации, такая встреча ему была не по душе. Насторожившись, они встали неподалёку, обнюхивая воздух. После недолгого исследования, одна из них, не переставая принюхиваться, стала потихоньку подходить. Он понимал, что если поддастся панике, то усугубит своё положение. Он вспомнил телевизионную передачу про атаку медведей на людей, как человек притворился мёртвым и медведь, лишь потрогав его лапами, отступил. Вожак этого трио обнюхал всего Алексея и, не найдя ничего интересного, поплёлся дальше. За ним последовала и вторая псина, а третья ещё долго стояла, глядя на него и периодически осматриваясь по сторонам. После того, как они удалились, он начал неистово звать на помощь. Его зов был не долгим, пересохшие связки не выдержали такого усилия, и он сорвал голос. После он просто лежал и плакал. Слёзы попадали в ссадины на лице и вызывали жжение. Но это было ничто по сравнению с его общим физическим состоянием и положением.

После того, как он немного успокоился, он осознал, насколько он голоден. Алексею ничего не оставалось, как есть траву, единственное, более или менее съедобное, что было под рукой. Он не стал растягивать это гастрономическое удовольствие и, нарвав пучок травы, запихнул его себе в рот, а чтобы не извергнуть необходимую пищу, старался побыстрее её пережевать. От горечи подкатывала рвота, и он начал представлять, что ест салат, который делала его бабушка, из свежих овощей с красным луком и зеленью, сдобренный хо-

рошей порцией ароматного подсолнечного масла. Вскоре он услышал звук приближающегося вертолѐта и, когда тот оказался над ним, начал махать рабочей рукой. Но тут же понял, насколько глупой выглядит его попытка привлечь внимание к своей беде. Если пилот его и заметил, то со стороны это будет похоже на то, что просто какой-то чудака, развалившись на траве и прибывая в хорошем настроении, решил вспомнить детство и помахать пилоту, просто так. Горько усмехнувшись над собой, Алексей продолжил прокладывать путь из зарослей. Когда уже совсем стемнело, и он преодолел около восьми метров, силы его покинули, а веки стали неимоверно тяжѐлыми. Он уснул.

****

Наступило воскресное утро, и Алексей проснулся от звона колоколов церкви, находившейся выше по склону. Слушая звон, он долго не открывал глаз. Впервые в жизни он услышал, насколько светлы и чисты эти перезвоны. Совсем чуть-чуть недослушав мелодию, он открыл глаза и увидел слева от себя, метрах в пяти, свою сумку.

Он стал вспоминать, удалось ли ему положить телефон в сумку или нет? Уверенность перевесила, и он сменил курс. Уже после полудня Алексей добрался до неё. Судорожно шарясь в сумке, он наткнулся на обломки фотоаппарата, но вскоре нащупал и телефон. Не веря своим глазам, он смотрел на телефон и обнаружил лишь несколько трещин на экране. Мужчина нажал на разблокировку, но экран не загорелся.

Тогда он жажал кнопку питания. Безуспешно. Телефон либо сел, либо промок, либо просто сломался от многочисленных ударов. Осознав, что понапрасну потерял драгоценное время, добираясь до когда-то полезного гаджета, превратившись в обычный мусор, он стал стучать кулаком по земле, во вновь охватившей его панике.

Голод, обезвоживание, боль вытянули из него все силы. Глаза снова закрывались, и он не понимал: ему просто хочется спать или он теряет сознание. Проспав несколько часов, он из последних сил продолжил свой путь из зарослей, скрывающих его присутствие. Вечером, с невероятным трудом перевернувшись, чтобы посмотреть закат, он увидел маленький силуэт. Это была девочка лет шести, она резво скакала и пела какую-то песню себе под нос, она бежала прямо по направлению к Алексею. Девочка периодически нагибалась и в её маленькой ручке букет становился всё ярче и пышнее. Увлечшись своим делом, она долго не замечала Алексея, а когда заметила замерла на несколько секунд и где-то поодаль раздался голос:

– Наташа! Пошли домой, папа уже проголодался! Пошли скорей, попьём молочка и спать!

В тот же миг, девочка, как будто с облегчением, как будто только и ожидая, что её позовут, побежала со всех ног. Лишь один раз замедлила бег, обернувшись в его сторону и снова ускорила. Алексей вытягивал шею, пытаясь увидеть её родителей, махал рукой, пытался кричать, но голоса не было.

Очередная надежда, очередное разочарование, очередная неудача. Он лежал и смотрел на закат.

Ему вспомнился случай из детства. Ему было лет десять. Он играл в футбол с мальчишками во дворе. Подъехал незнакомый мальчик на велосипеде и попросился поиграть с ними. Количество игроков в командах было не равное, поэтому они нехотя, но взяли незнакомца в команду. В один из моментов, мяч вылетел с поля и поскакал к подъезду. Незнакомец побежал за мячом и в этот момент, из-за припаркованных машин выехала ещё одна. Мальчишка резко затормозил, но поскользнулся на щебёнке и рухнул на неё коленом. Из машины, через открытое окно, послышалась брань, и авто скрылось. Незнакомец сидел на земле, немного покачиваясь от боли, и выковыривал мелкие камни, впившиеся в ногу. Ребята, уставшие ждать пока им принесут мяч, сходили сами за ним и продолжили дворовое дерби. Мальчик с окровавленной ногой, хромя, подошёл к ребятам и попросил вынести ему бинт или что-нибудь, чтобы обработать рану и добраться до дома. Обе команды с непониманием посмотрели на него, кто-то промолчал, кто-то отрицательно помотал головой, и ребята продолжили свой матч. Мальчишка взял свой велосипед и, опираясь на него, побрёл прочь.

Алексей, пару раз вспоминал эту ситуацию, задумываясь, почему ни он, ни его друзья не помогли незнакомцу? Что было сдерживающим фактором? Нежелание менять свои грандиозные планы? Детская неосознанность? Боязнь или брезг-

ливость чужой крови? Что?

В данной ситуации эти вопросы стали острее. О чём подумала девочка Наташа? Почему не рассказала родителям? Может просто испугалась, увидев ободранного грязного мужчину, и, как многие дети, просто не стала рассказывать? Почему дети утаивают страхи, которые могут пронести через всю жизнь и которые, собственно, могут изменить эту жизнь? Но рассказывают о каких-то, казалось бы, пустяковых проблемах, на которые родители обычно отвечаю простыми ответами? Может, не осознав всей серьёзности ситуации, она приняла его за бездомного или алкаша? А может, для неё важнее было нарвать букет, также, как мальчишкам доиграть матч.

Глядя на закат, он слушал шум города. Город не хотел упускать ни одной секунды существования на этой планете, он даже ночью заставлял людей работать, веселиться, горевать. Всего лишь в нескольких десятках метров, вокруг него кружили врачи, спасатели, просто равнодушные к чужому горю люди, тысячи живых душ. Его окружали больницы с современным оборудованием. Аптеки с полными прилавками продукции, воскресающей миллионы жизней. Всё это было рядом, под одним небом, под небом цивилизации. Небом, под которым он лежал и умирал.